

Panagl O. Verbalabstrakta. Onomasiologische Vielfalt und semantischer Wandel / M. Habermann, P.-O. Müller, H.H. Munske (Hrsg.). Historische Wortbildung des Deutschen. Tübingen, 2002. S. 59–74.

Pimenova N.B. Der Wandel von konkreten Bedeutungen bei Verbalabstrakta // Akten des XI. Internationalen Germanistenkongresses Paris 2005 “Germanistik im Konflikt der Kulturen”. Hrsg. Von J.M. Valentin. Bd. 4. Bern u.a., 2008. S. 115–119.

Pimenova N.B. Zum Konzept der diachron-vergleichenden semantischen Analyse von Wortbildungsmodellen: Schwache an-Maskulina mit abstrakter Semantik in altgermanischen Sprachen // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und der deutschen Literatur, 125 (2003). S. 1–41.

Schützeichel R. Althochdeutsches Wörterbuch. 5., überarbeitete und erweiterte Auflage. Tübingen, 1995.

Wolf N.R. Verbalabstrakta in althochdeutschen Texten // Althochdeutsch / R. Bergmann, H. Tiefenbach, L. Voetz (Hrsg.). Bd. 1. Grammatik. Glossen und Texte. Heidelberg, 1987. S. 305–319.

Сведения об авторе: *Пименова Наталья Борисовна*, канд. филол. наук, проф. кафедры западноевропейских языков и переводоведения Института иностранных языков Московского городского педагогического университета. E-mail: n_pimenova@yahoo.com

Д.И. Коломацкий

ТЕОРИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ПЕРЕХОДНОСТИ И ДИСТРИБУЦИЯ РУССКИХ ПАССИВНЫХ ФОРМ

Работа представляет собой краткое изложение результатов корпусного исследования русских пассивных конструкций, целью которого было выявить параметр (параметры), по которому (которым) распределены способы образования страдательного залога в русском языке. Статистическое исследование показало, что имеет место распределение по семантической переходности в терминах П. Хоппера и С. Томпсона.

Ключевые слова: пассив, страдательный залог, русский язык, корпусное исследование, причастия, возвратные глаголы, переходность, транзитивность.

The article describes the results of a corpus study in Russian passive voice. The main goal of the research was to find out what the distribution of different types of Russian passive constructions depends on. As shown in this paper, the distribution complies with P. Hopper & S. Thompson's transitivity theory.

Key words: passive, Russian language, corpus study, transitivity.

Данная работа представляет собой краткое изложение основных результатов проведенного автором корпусного исследования дистрибуции русских пассивных форм¹.

Как известно, язык практически никогда не использует двух и более морфологических маркеров некоей категории при их полной семантико-прагматической эквивалентности. В частности, для русского языка, в котором присутствуют три маркера пассива (*-ся*, *-м-*, *-н-/-т-*), встает вопрос, от чего зависит выбор конкретного типа пассивной конструкции в каждом конкретном случае. Наиболее интересны при этом глаголы, которые теоретически могут образовывать пассив несколькими способами. Впрочем, и само наличие/отсутствие у глагола пассивных форм того или иного типа может объясняться его семантикой или морфологией; например, глаголы совершенного вида (СВ) намного реже, чем глаголы несовершенного (НСВ), образуют пассив с помощью постфикса *-ся*.

Работ, рассматривающих собственно проблему дистрибуции русских пассивных форм, – единицы, ср., в частности [Стрельцова, 1978; Данков, 1981; Аїтмег, 2002]. Большинство же исследований

¹ Автор выражает благодарность И.М. Кобозевой за ценные критические замечания к работе.

русского пассива просто содержат перечисление формальных залоговых показателей; при этом и в таких работах, часто имплицитно, излагается точка зрения, что русские пассивные конструкции распределены по виду. В данной статье с помощью статистических данных будет показано, что, хотя распределение по виду существует (пусть и не в виде дополнительной дистрибуции), вид – не единственный параметр, по которому наблюдается дистрибуция, а совокупность этих параметров складывается в распределение по семантической переходности в терминах П. Хоппера и С. Томпсон [Hopper, 1980].

Теория семантической переходности

В получившей широкую известность работе П. Хоппера и С. Томпсон «Переходность в грамматике и дискурсе» [Hopper, 1980] переходность трактуется как семантическая, а не формально-синтаксическая категория, и о такой переходности/непереходности нельзя говорить в терминах привативной оппозиции. При этом переходность считается свойством не только глагола, но и всего предложения. Факторы, влияющие на степень транзитивности любого отдельно взятого предложения, представлены в таблице.

Таблица

Параметры, повышающие или понижающие транзитивность фразы

Параметр	Значение, повышающее переходность	Значение, понижающее переходность
Количество участников	два (Агенса и Объекта) или более участников	один участник
Кинезис	действие	не-действие
Вид (Aspect)	совершенный/перфективный (сокр.: СВ)	несовершенный/имперфективный (сокр. НСВ)
Пунктивность	пунктивный	непунктивный
Контролируемость	контроль присутствует (volitional)	контроль отсутствует (non-volitional)
Утверждение	утверждение	отрицание
Наклонение	реалис	ирреалис
Агентивность	высокая	низкая
Задействованность объекта	объект полностью охвачен	объект не затронут непосредственно
Индивидуализация объекта	объект индивидуализирован	объект не индивидуализирован

Однако каким образом эти параметры могут быть применимы к пассивным конструкциям, если все пассивные глаголы изначально непереходны? Дело в том, что перечисленные параметры относятся к семантическому аспекту переходности, тогда как способность присоединять прямой объект относится к ее синтаксическому аспекту [Князев, 1999].

В качестве иллюстрации рассмотрим следующую пару примеров из корпуса:

(1) Правда, уж очень распоясались. Каркали, каркали, а вот Сталинград держится, немцы **остановлены** (*Гроссман Василий. Жизнь и судьба (1960). НКРЯ*).

(2) В условиях полного хозрасчета и самофинансирования эти проблемы еще более осложняются (*Экология без косметики // Правда. 87-09-07 (2.044). Упсальский корпус*).

Представленным в этих примерах пассивным конструкциям можно поставить в соответствие следующие активные конструкции:

(3) Каркали, каркали, а вот Сталинград держится, немцев [наши солдаты] остановили.

(4) Полный хозрасчет и самофинансирование еще более осложняют эти проблемы².

Пример (3) содержит глагол СВ (фактор, повышающий переходность по п. 3 таблицы), индивидуализированный и полностью охваченный действием Объект (высокая переходность по п. 9 и 10), а также обладает высокой агентивностью в целом (п. 8); действие, описываемое в примере, контролируемо (п. 5). Напротив, пример (4) содержит глагол НСВ (фактор, понижающий переходность по п. 3); неиндивидуализированный Объект (низкая переходность по п. 10), обладает более низкой агентивностью в целом (п. 8), а о контролируемости (п. 5) говорить затруднительно. Таким образом, конструкция (3) семантически более переходна, чем конструкция (4). К синтаксически непереходным пассивным конструкциям (примеры (1) и (2) соответственно) это противопоставление точно так же применимо, поскольку пропозиционная семантика конструкции при образовании пассива остается неизменной.

Как мы увидим, семантическая переходность конструкции и является основным параметром распределения русских пассивных форм³. При этом еще раз подчеркнем, что в процессе статистической обработки языкового материала не было заранее известно, что именно степень транзитивности в целом определяет выбор типа пассивной конструкции. Набор параметров, по которым классифицировались содержащиеся в базе предложения, объяснялся исключительно стремлением изучить как можно больше возможных характеристик на разных языковых уровнях.

² Возможна и другая интерпретация высказывания (2), при которой субъект будет иным, нежели в (4), однако в данном случае это несущественно, поскольку в любой случае в качестве субъекта выступает некая абстрактная сущность, и релевантные свойства примера не изменяются.

³ В дальнейшем термин «переходность» («транзитивность») будет употребляться именно в значении «семантическая переходность».

Описание базы данных и методов исследования

Приводимые ниже данные основываются на статистическом исследовании созданной автором базы данных русских пассивных форм. База данных сформирована из корпусных примеров и содержит художественные и публицистические тексты XX в. Общий объем базы – 5961 предложение. Массив корпусных примеров разбит на класс пассивных и непассивных⁴; набор критериев для определения пассивности конструкций мы заимствуем из работы [Kazenin, 2001: 899], в которой используется дополненное типологическое определение М. Хаспельмата [Haspelmath, 1990: 27].

В ходе поиска параметров, по которым могли бы быть распределены русские пассивные формы, были изучены такие признаки, как семантический класс глагола, вид и акциональные свойства глагольной словоформы⁵, свойства актантов пассивной конструкции⁶. При этом было практически очевидным, что ни по одному из этих параметров не будет получено дополнительной дистрибуции, поэтому основным методом исследования стало изучение характерных отклонений от средних частот при выявлении возможной зависимости двух признаков.

Для этой цели в статистике широко применяется так называемый **критерий χ^2 (хи-квадрат)**. Имея наблюдаемые значения, полученные из корпуса, для каждого наблюдаемого значения по формуле необходимо высчитать ожидаемое значение при условии, что признаки друг от друга не зависят (т.е. что распределение случайно). Степень отличия наблюдаемого значения от расчетного с помощью критерия χ^2 преобразуется в вероятность случайности распределения. Чем выше эта вероятность, тем меньше значимость конкретного признака для распределения.

В процессе всего исследования были собраны характерные отклонения наблюдаемых частот от расчетных, которые в большинстве своем соответствуют теории транзитивности и позволяют утверждать, что русские пассивные конструкции распределены именно по семантической переходности. Распределение же типов пассивных конструкций по виду глагола – лишь одно из таких отклонений,

⁴ Разделение всех примеров базы на пассивные и непассивные не подразумевает постулирования привативной залоговой оппозиции (точка зрения о привативности отстает, например, в [1]): в рамках пассивной области значений можно затем выделять более частные значения.

⁵ В русской грамматической традиции страдательные причастия именуются глагольными словоформами (см. [Русская грамматика, 1980, т. I: 665]) наравне с возвратными глаголами.

⁶ Для страдательных причастий в атрибутивной позиции актанты устанавливаются путем трансформирования причастного оборота в относительное придаточное (*Созданная сотрудниками предприятия модель – Модель, которая была создана сотрудниками предприятия*).

которые можно наблюдать и в других областях. Рассмотрим их подробнее.

Характерные отклонения от расчетных частот и теория транзитивности

Семантический класс глагола. Для пассивных конструкций с глагольными формами на *-ся* наблюдаются превышения расчетных частот для ментальных и служебных глаголов, а также глаголов изменения состояния и общих глаголов действия (пример (5)); в конструкциях с причастиями на *-н-/-т-* чаще встречаются семантически более транзитивные глаголы физического воздействия (пример (7)). Причастия на *-м-* существенных отклонений не демонстрируют, единственное превышение расчетных частот наблюдается для глаголов речи (пример (6)). В целом отклонения соответствуют п. 8 и 9 таблицы для высокой транзитивности у причастий на *-н-/-т-* (высокая агентивность и задействованность Объекта) и низкой – у пассивных возвратных глаголов:

(5) Не обошли эти острые проблемы и нашу страну, хотя в последние годы у нас многое **делается** для охраны природы (*Экология без косметики // Правда. 87-09-07 (2.044). Упсальский корпус*).

(6) Пережив **воспеваемого** вождя совсем ненадолго, в очередной и последний раз продемонстрировав завистливым коллегам гениальную предусмотрительность, своевременно умер классик (*Улицкая Л. Пиковая дама (1995–2000). НКРЯ*).

(7) Сосны падали со **срезанными** кронами, **расщепленные, срубленные** под корень, **выкорчеванные** (*Воробьев Е. Вчера была война // Капля крови. М., 1974. С. 376–388 (3.845). Упсальский корпус*).

Акциональный ярлык глагольной словоформы. Акциональный ярлык⁷ также оказывается значимым для распределения русских пассивных форм: пассивные возвратные глаголы чаще обозначают процесс (пример (5)), страдательные причастия на *-м-* – процесс (пример (6)) и состояние (пример (8)), причастия на *-н-/-т-* – вхождение в состояние (примеры (1) и (7)). Эти отклонения соответствуют п. 3 и 4, а также п. 8 таблицы: процесс по определению непунктивен (п. 3); кроме того, ярлык «процесс», за исключением его появления у так называемых неопределенных глаголов (гулять) в форме СВ, обозначает незавершенное действие (п. 4). В силу этого высказывание, описывающее процесс, характеризуется более низкой транзитивностью по сравнению с высказыванием, описывающим вхождение в состояние.

⁷ Акциональный ярлык – характеристика словоформы с точки зрения акциональности; акциональных ярлыков пять: состояние, процесс, вхождение в состояние, вхождение в процесс, мультипликативный процесс. Об акциональных ярлыках см. [Татевосов, 2005].

Последнее также обладает более высокой агентивностью (п. 8), поскольку все действие сосредоточено на меньшем промежутке времени. Таким образом, конструкции с причастиями на *-н-/-т-* оказываются более транзитивными, чем конструкции двух других типов⁸.

(8) Ахиллесовой пятой радиотелескопов долгое время оставалась угловая разрешающая способность – то самое умение различать детали **наблюдаемой** картинки (*Радиотелескоп больше планеты // Известия. 88-04-10 (1.083). Упсальский корпус*).

Конкретность/абстрактность актантов пассивного предложения. Актанты пассивных конструкций с возвратными глаголами преимущественно абстрактны или представляют собой номинализации (пример (2)), актанты конструкций с причастиями на *-н-/-т-* в большинстве случаев имеют конкретных денотатов. Причастия на *-м-* находятся посередине, одинаково часто допуская и абстрактные, и конкретные актанты. Эти отклонения соответствуют п. 5, 8, 9 и 10 таблицы для высокой транзитивности у конструкций с причастиями на *-н-/-т-* и низкой – для пассивных возвратных глаголов: конкретность актантов с большой вероятностью означает наличие контроля за действием, повышает агентивность, задействованность и индивидуализацию Объекта; и наоборот.

(9) Канон писал не бездушный церковный начетчик, а неизвестный большой поэт, **полоненный** монастырем (*Солженицын А. В круге первом. 1968. Т. 1. НКРЯ*).

Степень агентивности Деятеля: семантические роли. Распределение по данному параметру (к какой именно семантической роли принадлежит Деятель⁹ в конкретном предложении) также соответствует шкале семантической переходности (п. 5 и 8 таблицы). Наиболее сильная с точки зрения агентивности и соответственно с точки зрения степени транзитивности роль Агенса-Исполнителя (о разделении роли Агенса на две роли Исполнителя и Инициатора см. [Гаврилова, 2003]) представлена преимущественно в конструкциях с причастиями на *-н-/-т-* (пример (9), а также примеры (1) и (7)), менее агентивная роль Инициатора чаще встречается с причастиями

⁸ Впрочем, велика и доля так называемых стальных причастий на *-н-/-т-* (*Дверь всегда открыта*). Конструкции с такими причастиями на *-н-/-т-* характеризуются более низкой транзитивностью в силу того, что они обозначают состояние в противовес вхождению в состояние. Именно стальные причастия вызывают больше всего сомнений относительно их частеречной принадлежности, а подобные конструкции в исследованиях пассива часто выводятся за рамки пассивных конструкций [Буладин, 1978, 2001].

⁹ Деятель – гиперроль, подразумевающая в той или иной степени контроль над ситуацией или создание предпосылок для ее возникновения. По сути данная гиперроль практически совпадает с постулируемой А.Е. Кибриком в работе [Кибрик, 2003] для аккузативных языков гиперролью Принципала.

на *-м-* (пример (10)), самая же слабая с этой позиции роль Стимула/Причины характерна для конструкций с пассивными возвратными глаголами (пример (2)).

(10) Верховный Суд СССР еще недостаточно использует свои полномочия для искоренения проявлений необъективности, **допускаемых** зачастую из-за слабой связи судов с трудовыми коллективами и населением (*Постановление Верховного Совета СССР по отчету о деятельности Верховного суда СССР // Известия. 88-05-26 (804). Упсальский корпус*).

Итак, отклонения для возвратных глаголов происходят в сторону понижения транзитивности, а для причастий на *-н-/-т-* в сторону повышения; причастия на *-м-* оказываются посередине, занимая среднее положение или примыкая к одному из типов конструкции.

Почему именно конструкции с возвратными глаголами оказались менее транзитивными, чем остальные? Как известно, изначально для образования пассива использовались только причастные конструкции двух типов, а возвратные глаголы с пассивным значением появились позднее [Стрельцова, 1978; Данков, 1981]. Когда в устоявшейся системе появляется новый показатель, он каким-то образом изменяет дистрибуцию, заполняя незанятые ниши. Именно более низкая семантическая транзитивность стала «визитной карточкой» возвратных глаголов, что вполне согласуется с происхождением возвратного постфикса от возвратного местоимения (вносящим некий элемент неконтролируемости в пассивную фразу). Кроме того, как отмечается в [Dahl, 1998], грамматикализация лексического элемента обычно бывает вызвана его «риторической незначимостью», т.е. происходит, когда элемент больше не несет на себе риторический акцент в высказывании. Эта риторическая иррелевантность также является фактором, понижающим транзитивность. Причастия на *-м-*, как мы видим, находятся в данной классификации между возвратными глаголами и причастиями на *-н-/-т-*, но изначально ситуация должна была быть обратной. Возвратные глаголы были по свойствам похожи на причастия на *-м-*; затем, как мы знаем, причастия на *-м-* стали употребляться в предикативной позиции намного реже, чем раньше, что стало либо причиной, либо, наоборот, следствием такого распространения финитных глаголов со схожими свойствами в области семантической переходности.

Выводы

В данном исследовании ставилась задача установить параметр или параметры, по которым распределены русские пассивные конструкции. В результате проведенного статистического анализа корпусных данных с использованием критерия χ^2 , применяюще-

гося для установления степени взаимозависимости признаков (или случайности распределения), было установлено, что отклонения от расчетных частот по различным параметрам (включающим семантику глагольной лексемы, видовые и акциональные свойства глагольной словоформы, свойства актантов пассивного предложения) образуют распределение по шкале транзитивности в рамках теории П. Хоппера и С. Томпсон [Hopper, 1980]. Конструкции с пассивными возвратными глаголами семантически менее переходны, а конструкции с причастиями на *-н-/-т-*, наоборот, характеризуются более высокой транзитивностью. Конструкции с презентными причастиями находятся посередине между двумя этими типами. То, что пассивные конструкции распределены именно так, объясняется теорией грамматикализации, согласно которой грамматикализация рефлексивного местоимения, являющаяся следствием его риторической иррелевантности, способствует понижению семантической переходности фразы. Поэтому пассивные возвратные глаголы, чей показатель является результатом грамматикализации из рефлексивного местоимения, заняли в русской системе пассивных форм именно нишу низкой семантической переходности, вытеснив с этой позиции причастия на *-м-*.

Список литературы

- Бондарко А.В. Активность и пассивность // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость / Отв. ред. А.В. Бондарко. СПб., 1991.
- Буланин Л.Л. К соотношению пассива и статива в русском языке // Проблемы теории грамматического залога / Отв. ред. А.А. Холодович. Л., 1978.
- Буланин Л.Л. О некоторых сложных проблемах категории залога // Исследования по языкознанию: сборник статей к 70-летию А.В. Бондарко. СПб., 2001.
- Гаврилова В.И. Квазипассивное значение русских возвратных глаголов как отражение закономерного, извечно данного порядка вещей // Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка. М., 2003.
- Данков В.Н. Историческая грамматика русского языка. Выражение залоговых отношений у глагола: Учеб. пособие. М., 1981.
- Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. СПб., 2003.
- Князев Ю.П. Переходность/непереходность глагола: форма и значение // Предложение и слово: Докл. и сообщ. Междунар. науч. конф., посвящ. памяти В.С. Юрченко. Саратов, 1999.
- Мельчук И.А. О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоговые / Отв. ред. А.А. Холодович. Л., 1974.
- Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т. I–II. М., 1980.
- Стрельцова М.И. О связи видо-временных и залоговых значений в причастиях на *-м-*, *-н-*, *-т-* в древнерусском языке // Проблемы теории грамматического залога / Отв. ред. А.А. Холодович. Л., 1978.

- Tatevosov S.G. Акциональность: типология и теория // Вопросы языкознания. 2005. № 1.
- Aijmer K. Constraints on passivisation: a comparison of voice in the Russian and Swedish verb // Komparativa studier I sprek och litteratur. Gusli working papers 10. Institutionen för slaviska sprek. Gøteborg, 2002.
- Dahl Ц. Grammaticalization and the life-cycles of constructions. Keynote lecture at the 17th Scandinavian Conference of Linguistics, August 20–22, 1998 Funen, Denmark (To be published in a volume in the series RASK Supplement Volumes).
- Haspelmath M. The grammaticization of passive morphology // Studies in Language. 1990. Vol. 14. N 1.
- Hopper P.J. Transitivity in grammar and discourse // Language. 1980. Vol. 56. N 2.
- Kazenin K.I. The passive voice // Language Typology and Language Universals. Vol. 2. Berlin; N.Y., 2001.

Сведения об авторе: Коломацкий Дмитрий Игоревич, выпускник аспирантуры кафедры ОТиПЛ филологического ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: lemon_tree@list.ru